

Вечерніе уроки, а особенно этотъ первый, по словамъ Толстого, имѣли совершенно особенный отъ утреннихъ характеръ спокойствія, мечтательности и поэтичности. Вотъ картина такого вечерняго урока, представленная Толстымъ :

«Придите въ школу сумерками,—огня въ окнахъ не видно, почти тихо, только вновь натасканный снѣгъ на ступени лѣстницы, слабый гулъ и шевеленье за дверью, да какой-нибудь мальчуганъ, ухватившись за перила, черезъ двѣ ступени шагающій навверхъ по лѣстницѣ, доказываютъ, что ученики въ школѣ. Войдите въ комнату. Уже почти темно за замерзшими окнами; старшіе, лучшіе ученики прижаты другими къ самому учителю и, задравъ головки, смотрятъ ему прямо въ ротъ. Дворовая самостоятельная дѣвочка съ озабоченнымъ лицомъ сидитъ всегда на высокомъ столѣ,—такъ и кажется, каждое слово глотаетъ; поплоче ребята—мелкота, сидятъ подальше: они слушаютъ внимательно, даже сердито, они держатъ себя такъ же, какъ и большіе, но, несмотря на все вниманіе, мы знаемъ, что они ничего не расскажутъ, хотя и многое запомнятъ. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоитъ на столѣ. Рѣдко кто, втиснувшись въ самую середину толпы, за чьею-нибудь спиною занимается выписываніемъ ногтемъ какихъ-нибудь фигуръ на этой спинѣ. Рѣдко кто оглянется на васъ.

«Когда идетъ новый рассказъ—все замерли, слушаютъ. Когда повтореніе — тутъ и тамъ раздаются самолюбивые голоса, не могущіе выдержать, чтобы не подсказать учителю. Впрочемъ, и старую исторію, которую любятъ, они просятъ учителя повторить всю своими словами и не позволяютъ перебивать его... Если не всю имъ расскажутъ, они сами дополняютъ любимый конецъ.

«Кажется, все мертво, не шелохнется, — не заснули ли? Подойдешь въ полутьмѣ, взглянешь въ лицо какому-нибудь маленькому, — онъ сидитъ, впившись глазами въ учителя, сморщивши лобъ отъ вниманія, и десятый разъ отталкиваетъ съ плеча навалившуюся на него руку товарища. Вы щеко-